

Матасова Татьяна Александровна

*соискатель, специалист по учебно-методической работе
кафедры истории России до начала XIX века
МГУ имени М. В. Ломоносова*

**ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКИМИ КНИЖНИКАМИ
КОНЦА XV В. ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АРИСТОТЕЛЯ ФИОРАВАНТИ В МОСКВЕ
THE INTERPRETATION
OF ARISTOTLE FIORAVANTIS' ACTIVITY
IN MOSCOW BY RUSSIAN INTELLECTUALS
OF CLOSE 15-th CENTURY**

Многочисленные нововведения, привнесенные итальянскими мастерами в строительную практику Русского государства в конце XV – первой половине XVI вв., произвели огромное впечатление на современников. Эти впечатления требовали осмысления: и перед придворными летописцами, и перед книжникам, не связанными с великокняжеским двором, стояла задача выразить чувство и выработать мнение относительно грандиозной работы по изменению облика русских городов, которую «фряжские» инженеры развернули с санкции великого князя. В данной заметке мы сосредоточим внимание на осмыслении русскими интеллектуала-

лами работы болонского архитектора Аристотеля Фиораванти по возведению в 1470-е гг. Успенского собора Московского кремля.

Позицию придворных книжников отразил Московский свод конца XV в. Автор известия «о свершении» Успенского собора пишет об этом событии с восхищением: «Бысть же та церковь чюдна велми величеством и высотой, светлостью и зьвоностью и пространством, такова же преже того не бывала в Руси, опроче Владимирския церкви, видети бо бяше ея мало оступив кому, яко един камень...» [7, 323].

Мнения «независимых летописцев», как принято называть не связанных с великокняжеским двором книжников, не всегда отличались восхвалением дел правителя. Автор свода 80-х гг. XV в. митрополичий дьяк Родион Кожух включил в свое повествование немало сведений и суждений на «итальянскую» тему. В частности, он рассказал о двух скандалах, связанных с освящением собора. Так, Аристотель Фиорванти «в олтаре же над митрополичимъ местом крыж лятский истеса на камени за престолом». По повелению митрополита Геронтия «крыж» приказано было «стерати». Во время освящения храма возник спор о том, в каком направлении должен идти крестный ход: по солнцу - «посолонь» - или против солнца [6, 286]. Но означает ли включение в текст свода этих скандальных подробностей, что работа архитектора не произвела хорошего впечатления на «независимого летописца»?

Представляется, что это не так. Родион Кожух (или близкий ему автор известия 1475 г. о начале возведения собора) был восхищен работой Аристотеля Фиораванти ничуть не меньше придворных летописцев. Он с изумлением следил за его работой, отмечая новые технические приемы и инструменты, которые использовал мастер: «На первое лето изведе ея из земли Аристотель, известь же как тесто густое растворяше, а мазаша лопатками железными, а камень ровной внутри скласти повеле. Столпы же едины 4 обложи круглы, се, рече, крепко стоят, а в олтаре два столпа кирпичны, те на черыря углы, а все в кружало да в правило» [6, 221].

Однако более всего книжника поразило то, с какой скоростью «фряжский» архитектор незадолго до этого «разбил» недостро-

енный собор, который возводили русские мастера Кривцов и Мышкин. Автор известия изумленно восклицает: «И чюдно видети, еже три годы делали, во едину неделю и меньши разволи, еже не поспеваху износити камения, а въ три дни, рече, хотяше развалити» [6, 221].

Аристотель Фиораванти разрушил недостроенное здание, поскольку обвалилась северная стена. Родион Кожух раскрывает причину обрушения: Кривцов и Мышкин «не разумеша силы в том деле: известь житка растворяху с песком, ино не клеевито ... потому же не крепко дело ... и правила стены извихляется» [6, 210]. Констатируя недостаточные навыки мастеров, летописец мог намекать и на печальные реалии строительной практики той поры: мастера или подрядчики, желая получить дополнительную прибыль, разбавляли известь водой. В летописании рассматриваемого времени встречаются подобные факты недобросовестности строителей. В любом случае, обрушение стен собора интерпретировалось современниками с позиций провиденциализма - как знамение Божье неумелым или как наказание нечистым на руку мастерам. Аристотель Фиораванти, разрушающий стены, выступает, таким образом, исполнителем Божьего замысла, орудием воли Творца.

Исключительно важна и ремарка Родиона Кожуха, касающаяся мнения других книжников, следивших (вероятно, вместе со всеми жителями Боровицкого холма) за работой «италийского» архитектора: «Книжници же называху брус дубовой [которым разбивали стены. - Т.М.] бараном, се же, рече, написано, яко сицевым образом Тут Есусолим разби [Курсив мой. - Т.М.]» [6, 220]. Полагаю, именно эта подробность позволяет увидеть новые грани в восприятии современниками работы «фряжина».

Виднейший реставратор и историк архитектуры Н.Н. Воронин писал: «В практике древнерусского строительства было довольно обычным явлением обращение к литературе в поисках о древних памятниках зодчества» [2, 373]. В данном случае имеет место как раз такая ситуация. В приведенном отрывке содержится прямая ссылка на ключевой эпизод из выдающегося литературного памятника - «Истории Иудейской войны» Иосифа Фла-

вия, который был переведен на древнерусский язык в XI или XII вв. Рассказу о том, как именно в 70 г. н.э. «Тит Ерусалим разби» и как «овны» - «бараны» русских летописей – «биахоуть стены» [3, 306], в тексте уделено значительное место, поскольку именно это предопределило исход конфликта. Иосиф Флавий и интеллектуал-переводчик, автор многочисленных интерполяций в тексте, сочувствуют римлянам. Разрушение Иерусалима и гибель людей объясняется грехом «нечестивых» иудеев перед Богом.

Не позднее 1453 г. на Руси на основе ряда переводных сочинений, повествующих о событиях всемирной истории, был создан Летописец Еллинский и Римский второй редакции. Этот текст принято считать «наивысшим достижением древнерусских хронистов XV в., задавшихся целью создать полный свод сведений по всемирной истории» [5, 199]. В этом сочинении содержится пространная повесть «О взятии Иерусалиму 3-ею Титово» [4, 224-248]. Это глубоко трагичное и в то же время героическое повествование, в котором воспета доблесть римского императора. Тит Флавий Веспасиан представлен «философом и доброязычником [Курсив мой. – Т. М.]», славным воином, мудрым военным стратегом, известным своей кротостью и богобоязненностью [4, 245]. Он смог разбить стены Иерусалима и войти со своим войском в погрязший в бесчестии город, используя специальный механизм, где главную функцию выполняли упомянутые уже «овны»: «И причиниша овны римляни, и стлпы древяныя, и пороци и начаша толочи в стену (...) И паде на землю...» [4, 234] В рассматриваемом известии механизм, использованный императором Титом и «Аристотелем Болонским», описан гораздо подробнее: «три древа поставя и конци их верхъние совокупив воедино, и брус дубовъ обесивъ на ужищи посреди ихъ поперек, и конецъ его обручем железным скова, и раскачиваючи, разби. А иные стены с ысподи подобра, и поление подставляя, и всю на поление постави, и заже поление, и стены падошася» [6, 220].

Таким образом, Аристотель Фиораванти обладает не просто навыками до той поры неизвестными на Руси, но и мастерством, сопоставимым с гением императора Тита. Архитектор, смело разрушающий ветхое и создающий новое, оказывается носителем

великой добродетели - доблести – “virtus” (лат.), или “virtù” (ит.). Для итальянцев эпохи Возрождения эта категория была основополагающей и относилась к области этики. Суть ее разработана в трактатах Николая Кузанского, Лоренцо Валлы, Никколо Макиавелли и других гуманистов. Так, Николай Кузанский полагал, что доблесть - чуть ли не главная добродетель достойного мужа: «путь к богопознанию ведет через деятельность, через творческое осуществление личностью своей “virtù” и своей “идеи”» [1, 40]. Такова была ренессансная интерпретация христианской идеи о том, что дела человеческие должны подчиняться воле Божьей.

Итак, пытаясь осмыслить впечатления от работы «фряжского» архитектора, русские интеллектуалы последней четверти XV в. черпали необходимую информацию для понимания происходящего в литературных памятниках, как давно известных, так и недавно созданных, известия и оценки которых были ими хорошо усвоены. Книжники - будь то придворная элита или «независимые летописцы» - не просто восхищались талантами зодчего, а стремились к предельно глубокому пониманию сути происходящего. По их мнению, она состояла в том, что Аристотель Фиораванти - доблестный муж и талантливый архитектор – с «хитростию», т.е. с умением и тщанием возводил главный собор Русского государства, что соответствовало Божественному замыслу. Так в традиционном для летописцев провиденциальном восприятии современных им событий прослеживаются элементы ренессансного понимания человеческой деятельности.

Список литературы

1. Бицилли М.П. Место Ренессанса в истории культуры. СПб., 1996.
2. Воронин Н.Н. Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 13. М.;Л., 1957.
3. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1. М., 2004.

4. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999.
5. Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. Комментарии и исследование О.В. Творогова. СПб., 2001.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 2004.